

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Р.Н. Пархоменко

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.9

ДИХОТОМИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО К. ШМИТТА

Аннотация. В статье рассматривается теория политики Карла Шмитта (1888-1985), которую он развивал, помимо прочего, в следующих двух работах: «Политическая теология» (1922) и «Понятие политического» (1927). По мысли Шмитта, понятие политического можно определить только тогда, когда мы сформулируем специфически политические критерии и категории.

В качестве такого специфически «политического различения» Шмитт вводит понятия «друга» и «врага», чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения и разделения, ассоциации и диссоциации. По его мнению, подобное различение может существовать как теоретически, так и практически, независимо от того, используются ли одновременно моральные, эстетические, экономические или иные виды различений. При этом речь не идет о моральной или эстетической оценке «врага» — самым важным здесь является тот момент, что враг выступает как «чужой» по отношению к определенной политической системе.

В ходе рассмотрения политической мысли Шмитта показывается, что понятие политического, описываемого с помощью дихотомии «друг-враг», определило весь ход дальнейшего развития его теоретической мысли. Шмитт всю свою жизнь свято верил в необходимость создания политически сильного, даже авторитарного типа государства. Эта установка, в конечном итоге, повлияла как на его концепцию философии права, так и вызвала неприятие им традиций либерализма западного образца.

Ключевые слова: психология, Карл Шмитт, государство, друг, враг, политика, мораль, общество, либерализм, Европа.

Свою теорию политики Карл Шмитт (1888-1985) развивает в двух следующих работах: «Политическая теология» (1922) и «Понятие политического» (1927). И хотя монография «Понятие политического» хронологически была написана и опубликована позже, чем «Политическая теология», начать мне хотелось бы все же с нее — ведь именно здесь были сформулированы те идеи Шмитта, наметки которых просматриваются в его ранних произведениях, а в более поздних трудах эти мысли получают более детальную проработку.

Итак, небольшая по объему работа Шмитта «Понятие политического» стала самой известной его теоретической работой и выдержала не только множество переизданий, но и выходила в различных редакциях. Впервые «Понятие политического» было опубликовано в 1927 г. в журнале *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*; в 1929 г. в Барселоне Шмитт сделал доклад об «Эпохе нейтрализаций и деполитизаций», ставший отныне дополнением к последующим изданиям работы «Понятие политического». В позднее издание (1932) было еще добавлено и послесловие, а сам текст подвергся основательной переработке. Так, лишь в 1963 г. выходит наконец «каноническая» версия «Понятия политического».

С самого начала Шмитт отмечает, что само понятие государства предполагает понятие политического: «государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости. [...] Оба признака, входящие в это представление: статус и народ, — получают смысл лишь благодаря более широкому признаку, т.е. политическому, — и если неправильно понимается сущность политического, они становятся непонятными»¹. Часто термин «политический» употребляется в негативном смысле как противопоставление чему-либо или же отождествляется с термином «государственный». Все это не проясняет сути дела и не дает ответ на вопрос, что же такое «политическое»? Шмитт заявляет, что, к примеру, в юриспруденции часто делаются попытки определить политическое в практически-техническом смысле, однако правовые трактовки понятия политики все же не проясняют для нас всей сущности вопроса.

Необходимо отметить, что Шмитт полностью разделяет установки классиков политической и социальной мысли Нового времени о том, что необходимо различать и четко отграничивать предметную область

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37.

политической философии от областей этики, права и других нормативных дисциплин в социальных науках. По мысли Шмитта, понятие политического можно определить только тогда, когда мы сформулируем специфически политические критерии и категории.

В качестве такого специфически «политического различения» Шмитт и вводит понятия «друга» и «врага», чтобы обозначить «высшую степень интенсивности соединения и разделения, ассоциации и диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически, независимо от того, используются одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия»². При этом речь не идет о моральной или эстетической оценке «врага» — самым важным здесь является тот момент, что враг выступает как «чужой» по отношению к определенной политической системе.

Шмитт говорит о том, что в морали нормы и решения можно классифицировать в соответствии с их качеством быть хорошими или плохими. Также и в сфере экономики явления можно классифицировать, исходя из их рентабельности или нерентабельности, а, к примеру в эстетике явления можно разделять используя критерии «прекрасное», «гармоничное», «ужасное» или «дисгармоничное». «В политике [критерии различения] могут быть только экзистенциальными, оправдывающие свое существование в решающей борьбе. И поскольку, в этой борьбе речь идет о способе отрицания другого, то эти способы являют собой не ментальные указания, а [полное физическое] уничтожение другого»³.

Данное разделение на «друга» и «врага» необходимо рассматривать в конкретном экзистенциальном смысле, а не метафорически или психологически. Здесь Шмитт подчеркивает, что он не согласен с трактовкой врага как конкурента в экономике или же врага как дискутирующего оппонента в политике — так, как это принято в либерализме. Конечно, с точки зрения политкорректности, как мы могли бы сказать сегодня, такая трактовка отношений между экономическими конкурентами и политическими оппонентами вполне оправдана. Но, по мысли Шмитта, нельзя отрицать и тот факт, что разные народы группируются все же по линии «друг-враг» и именно эта противоположность и создает реальные границы «политически существующего народа».

Таким образом, враг — это не конкурент, оппонент или же личный противник отдельного человека. Политический враг — это «борющаяся совокупность людей»,

противостоящая такой же совокупности. Тот момент, что речь здесь идет о совокупности людей, делает такого врага публичным врагом. Не следует смешивать понятие врага с христианской традицией, говорящей том, что нужно «возлюбить врага своего» — такое понимание врага к политической противоположности не имеет никакого отношения.

«Политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг/враг». Внутри государства как организованного политического единства, которое как целое принимает на себя решения о друге и враге, а кроме того, наряду с первичными политическими решениями и под защитой принятого решения, возникают многочисленные вторичные понятия о «политическом»»⁴.

В этом определении важны два следующих момента: все политические понятия имеют полемический смысл и они привязаны к конкретной ситуации. Когда данная конкретная ситуация исчезает или видоизменяется, то тогда и данные политические понятия становятся просто фикцией. Шмитт полагает, что главные понятия политической сферы — «государство», «общество», «класс» или «суверенитет» — абсолютно лишены смысла, если неясно, кто «in concreto» должен быть поражен и опровергнут. Другим моментом, ведущим к неправильной трактовке понятия политического, является отождествление политического с партийно-политическим. Как раз отсюда и происходит требование о необходимости «деполитизации» тех или иных решений.

Снова и снова Шмитт подчеркивает, что термины «друг», «враг» или «борьба» следует понимать буквально, в смысле «бытийственной изначальности». Если в политике речь идет о реальной борьбе — то это не «экономическая конкуренция», не «теоретическая дискуссия», не «политический диспут или спор». Понятия «друг» и «враг» получают свой истинный смысл лишь тогда, когда они соотношены и сохраняют свою «особую связь» с реальной возможностью физического убийства: «Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Ей не нужно быть чем-то повседневным, чем-то нормальным, но ее и не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное, а, скорее, она должна оставаться в наличии как реальная возможность, куда имеет смысл понятие

² Там же. С. 40.

³ Steinvorth U. Gleiche Freiheit. Politische Philosophie und Verteilungsgerechtigkeit. Berlin, 1999. S. 65.

⁴ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 41-42.

врага»⁵. Данная трактовка межгосударственных отношений может показаться тривиальной или же слишком натуралистической, однако не стоит торопиться с выводами и недооценивать глубину теоретической мысли Шмитта.

Шмитт сразу же оговаривается, что критерий определения понятия политического «друг-враг» не означает, что народы постоянно должны находиться в состоянии вражды друг с другом и что состояние нейтралитета на международной политической арене совершенно невозможно. Наоборот, понятие политического нейтралитета придает дихотомии «друг-враг» особую глубину, поскольку, если бы не было бы борьбы между государствами, то не было бы и самой политики.

Как тут не вспомнить работу Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек», имевшую в свое время в среде интеллектуалов большой резонанс по всему миру! Насколько просто и естественно казалось после распада Советской империи, что глобальное противостояние двух супердержав однозначно кануло в лету и отныне весь мир наконец-то достигнет состояния гармонии. Так хотелось верить в то время (1992 г. выхода в свет книги «Конец истории»), что из политики наконец-то исчезнет противостояние «капитализм-коммунизм», «свобода-тоталитаризм» — или же «друг-враг» в терминологии Шмитта — и вместе с этим наступит «конец» истории, равно как и политики как таковой. Однако ход новейшей истории очень быстро показал полную несостоятельность подобного оптимизма!

По мнению Шмитта, исключительность случая нейтралитета в мировой политике отнюдь не отрицает «определяющего» характера дихотомии «друг-враг», а только лишь еще раз обосновывает правильность подобного подхода. Такой особый исключительный случай открывает «сердцевину вещей» и жизнь людей получает свое специфически политическое напряжение. Мир без войн был бы и миром без политики: «И тут для определения понятия политического тоже не важно, желателен ли такого рода мир без политики как идеальное состояние. Феномен политического можно понять лишь через отнесение к реальной возможности разделения на группы друзей и врагов, все равно, что отсюда следует для религиозной, моральной, эстетической, экономической оценки политического»⁶.

Таким образом, войны четко очерчивают границы «своих» и «чужих» в политике и способствуют прояснению понятия политического как теоретической категории в социальных науках. Политическое, при этом, заключается не в самой борьбе, а в определяемых

этой борьбой возможностями поведения; борьба в конечном итоге дает нам критерий для различения друзей и врагов в политике.

Следствием подобного понимания политического является тот факт, что не существует общей теории политической философии, обязательной для всех стран и эпох. По мнению Шмитта, в международной политике всегда существуют и будут существовать конфликты особого рода, которые он обозначает как «экзистенциальные». И эти конфликты могут быть разрешены только путем отрицания и физического уничтожения существования другого бытия⁷. Однако, по замечанию Штайнворта, с точки зрения теории фальсификации, теория политического Шмитта может быть классифицирована именно как теория, имеющая обязательный характер для всех: теория «друг-враг» не может быть опровергнута «с помощью каких-либо интуиций от того, что является справедливым, поскольку каждый тезис, противоречащий теории Шмитта, может быть отвергнут как утверждения врага. Отсюда следует то, что все, что Шмитт говорит о понятии политического, является всегда устойчивым против любого возможно опровержения»⁸.

Здесь также принципиален и тот момент, что теория Шмитта «друг-враг» опирается преимущественно на политические реалии в Германии первой трети XX в. Однако, по убеждению самого Шмитта, это не является недостатком его теории, ведь политическая философия, как он специально подчеркивает, может быть только *национальной*. Точно так же и любая демократия или даже понятие равенства могут иметь только национальный характер — однако, подробнее об этом еще будет сказано ниже.

В размышлениях Шмитта о понятии политического важно то, что он стремится выйти за рамки политологии или практической политики и убежден в том, что политическое может извлекать свою силу из любой сферы человеческой жизни — политической, религиозной, экономической, моральной — той сферы, где происходит столкновение противоположностей. Понятие политического указывает нам не определенную предметную область в сфере общественного здания; понятие политического означает собой лишь степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей в обществе. Поведенческие мотивы при этом могут быть самыми разными — и не обязательно политическими.

⁷ Schmitt K. *Volksentscheid und Volksbegehren. Ein Beitrag zur Auslegung der Weimarer Verfassung und zur Lehre von der unmittelbaren Demokratie*. Berlin, 1927. S. 26.

⁸ Steinvorth Gleiche Freiheit. *Politische Philosophie und Verteilungsgerechtigkeit*. Berlin, 1999. S. 65.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 44.

Всегда тогда, когда ситуация в обществе или между отдельными государствами эскалирует и превращается в военный конфликт (Ernstfall), происходит формирование индивидов в виде различных групп — эти процессы, по мнению Шмитта, всегда являются политическими. Подобное группирование людей всегда есть «главенствующее разделение людей на группы, а политическое единство, вследствие этого, если оно вообще наличествует, есть главенствующее и «суверенное» единство, в том смысле, что по самому понятию именно ему всегда необходимо должно принадлежать решение относительно главенствующего случая, даже если это — случай исключительный»⁹.

Говоря о принципиальной содержательности и субстанциальности критерия «друг-враг» в определении понятия политического, Шмитт критикует различные подходы к этому вопросу. Так, рост профсоюзного движения во Франции в начале 1900-х гг., выступивший с лозунгами о «смерти и конце» государства, полагает он, не выдерживает никакой критики. Все лозунги профсоюзного движения во Франции бьют мимо цели и не затрагивают самый нерв идеи политического.

Также жестко Шмитт выступает и против плюралистической теории государства (Дж.Г. Коул и Гарольд Дж. Ласки), возникшей в англоязычных странах. Весь пафос плюралистических теорий состоит в том, что они подчеркивают многоуровневость общества и то, что каждый индивид общества является одновременно членом самых различных организаций, имеющих равные права в государстве. На этом примере отчетливо видно, что Шмитт решительно не поддерживает ни французскую традицию социальных свобод, ни англосаксонскую плюралистическую традицию.

Для Шмитта оправдано существование только лишь «сильного» государства, где главенствующее значение имеет политическое единство: «Политическое единство именно по своей сущности есть главенствующее единство, все равно, какими силами питаются его последние психические мотивы. Оно существует или не существует. Если оно существует, то оно есть высшее, т.е. в решающем случае определяющее единство. То, что государство есть единство, и именно единство главенствующее, основывается на его политическом характере. Плюралистическая теория — это либо государственная теория такого государства, которое достигает единства через федерализм социальных союзов, или же теория разложения и опровержения государства»¹⁰.

⁹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 48.

По убеждению Шмитта плюралистические теории государства просто не в состоянии ухватить самую суть понятий политического и государства. Эти концепции ставят единство государства, называемое в терминах англосаксонской плюралистической традиции «политической ассоциацией», в один ряд с другими ассоциациями общества — религиозными, экономическими и т.п. — при этом вопрос о понятии и специфическом содержании собственно «политического» остается без ответа.

Таким образом, в англосаксонской традиции государство превращается в ассоциацию, конкурирующую с другими ассоциациями, а общество (гражданское общество) растворено среди разнообразных союзов и сообществ государства. Смысл и цель плюралистических теорий государства, направленных на выравнивание возможностей различных образований в государстве и против преувеличения роли государства и монополии государства быть высшим единством, делает совершенно неясным вопрос о том, что же такое это политическое единство само по себе и как оно возможно. Так, в этой мыслительно традиции на место государства ставится понятие governmental association, а вместо понятий политического единства мы находим у Коула понятие society (общество), а у Ласки — humanity (человечество).

Такой плюралистический подход в социальных науках не имеет в качестве основы единого центра; он извлекает свои установки из разнородного конгломерата общественных образований — религиозных и хозяйственных институтов, политических идеологий и т.п. Шмитт утверждает, что либерализм англосаксонской политической традиции совершенно игнорирует «центральное понятие всякого учения о государстве, понятие политического, и даже не рассматривает такую возможность, что плюрализм союзов мог бы привести к федералистски выстроенному политическому единству; [...] он] целиком застревает в либеральном индивидуализме, ибо в конечном счете, услуживая свободному индивиду и его свободным ассоциациям, [...] он] совершает не что иное, как противопоставляет одну ассоциацию другой, причем для разрешения всех вопросов и конфликтов исходным пунктом является индивид»¹¹. Здесь мы явственно видим, насколько германская традиция политического мышления противопоставлена как французским традициям либерализма с их девизом «свобода, равенство, братство», так и англосаксонским идеям об индивидуализме, нашедшими свое выражение как в американской «Декларации независимости», так и в традициях английского права.

¹¹ Там же. С. 48-49.

Для Шмитта не существует никакого политического «общества» или ассоциации, а только лишь *политическое единство сильного государства*. Разделение на друзей и врагов, по его мнению, и дает нам решающий и системообразующий критерий для создания специфически *политического* единства государства. Шмитт говорит о том, что все политические теории можно разделить по принципу, принимают ли они человека в своей природе как «доброе» или же как «злое» существо. В либеральных теориях, к примеру, природная доброта человека является аргументом, с помощью которого государство получает более низкий ранг и ставится на службу гражданскому обществу. В либерализме мы видим, что гражданское общество имеет «свой порядок в самом себе», а государство при этом выступает лишь в роли «подданного» гражданского общества.

У Томаса Пейна общество (society) является результатом наших упорядоченных потребностей, а государство (gouvernement) — уже результат наших грехов. И хотя заслуга либерализма состоит в декларации свободы индивида, по мнению Шмитта, либерализм не несет с собой определенной политической идеи и теории государства. Либерализм хотя и не отрицает государство как сильное политическое единство, но он не нашел «никакой позитивной теории государства и никакой собственно государственной реформы, но только попытался связать политическое, исходя из этического, и подчинить его экономическому; он создал учение о разделении и уравнивании «властей», т.е. систему помех и контроля государства, которую нельзя охарактеризовать как теорию государства или как политический конструктивный принцип»¹². Каким диссонансом звучат мысли Шмитта о либерализме в соотнесении с современной политической ситуацией в мире, когда агрессивная политика США при пассивном одобрении стран-членов ЕС никак не выглядит как лишенная «политического конструктивного принципа»! Однако эти идеи были высказаны впервые в 1927 г., когда расстановка сил на мировой арене выглядела совершенно иначе, чем сегодня.

Помимо такого подхода в политической философии, существует и ряд теорий, где человек рассматривается как имеющий «злую» природу. Это концепции Макиавелли, Гоббса, Боссюэ, Фихте, Д. Кортеса, Гегеля и многих других. Особо Шмитт отмечает учение Гегеля, у которого он находит и определение врага как нравственного различия, подлежащего отрицанию чужого в его живой тотальности: «Такое различие есть в р а г; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бы-

тию противоположностей, в качестве «ничто» врага, и это ничто для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы. Для нравственного этот враг может быть лишь врагом народа, и, точнее, лишь каким-то народом. Так как здесь на передний план выступает единичность, то для народа налицо то, что единичное подвергается опасности смерти»¹³. И далее: «Эта война является войной не семей против семей, а народов против народов, и потому сама ненависть становится безразличной, свободной от всякой личности»¹⁴.

По мнению Шмитта, эти идеи Гегеля получили свое развитие и, так сказать, «практическое воплощение» не в Германии, а в России: Гегель «пропутешествовал через Карла Маркса к Ленину и далее в Москву. Там его диалектический метод доказал свою конкретную силу в новом конкретном понятии врага, понятии врага классового, и превратил как себя самого, т.е. диалектический метод, так и все остальное, легальность и нелегальность, государство, даже компромисс с противником, в «оружие» этой борьбы»¹⁵. Что касается Германии, вернее говоря Пруссии, то с 1840 г. там главенствующее положение получила консервативная теория государства Ф.Ю. Штала.

Шмитт предостерегает и рассмотрения сферы политического в терминах права. У права есть своя собственная область знания и применения, но часто право используется для поддержки или опровержения какой-либо политической теории. Тогда, когда говорится о полном главенстве права в общественной и государственной жизни, необходимо задаться вопросом о том, обозначает ли при такой установке право существующие позитивные законы и методы законодательства, действующие на территории данного государства. В этом случае, по мысли Шмитта, «господство права» свидетельствует о попытке сохранить свое положение теми, чье господство и привилегии уже зафиксированы в законах права. С другой стороны, по утверждению Т. Гоббса, суверенитет права означает лишь суверенитет людей, которые эти нормы сами и устанавливают, а вся риторика о господстве «высшего права» лишена всякого смысла. То есть, в конечном счете, речь идет о том, что за всеми высокими фразами необходимо всегда видеть интересы конкретных людей или политических группировок, находящихся в состоянии постоянной борьбы.

Что касается истинно политического мышления, очищенного от всякого рода высокой словесности, то

¹³ Гегель Г. Система нравственности // Гегель Г. Политические произведения. М., 1978. С. 331.

¹⁴ Там же. С. 333.

¹⁵ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 59.

истинный «политический инстинкт» находит свое теоретическое и практическое обоснование именно в способности различения друзей и врагов. Шмитт полагает, что высшей точки большая политика достигает только тогда, когда враг «в конкретной четкости прозревается как враг». Причем верно и обратное утверждение — всегда в истории государств, когда правительство было неспособно или же не хотело, или не решалось сделать такое четкое и однозначное различие — такие ситуации всегда становились началом политического конца государства. В качестве примера немецкий философ приводит ситуацию в России перед революцией 1917 г. — именно тогда классы, переживающие свой политический закат, начали «романтизировать» русского крестьянина, сделав из него доброго героя, по своей природе стремящегося ко всему высшему, справедливому и прогрессивному.

«В запутавшейся Европе релятивистская буржуазия пыталась сделать предметом своего эстетического потребления все мыслимые экзотические культуры. Перед революцией 1789 г. аристократическое общество во Франции грезило о «по природе добром человеке» и трогательно добродетельном Народе»¹⁶. Эту ситуацию в Европе Токвиль описывал с помощью выражения: «революцию не чувствовали совершенно», вместо того, чтобы трезво оценить ситуацию, господствующие классы занимались прекраснотушничаньем и разговорами о высоких духовных идеалах простого народа — как раз тогда, когда революция уже всю надвигалась.

Как уже говорилось выше, либерализм получает у Шмитта резко негативную оценку, поскольку из последовательного либерализма не может быть выведена специфически политическая идея. Последовательный индивидуализм всегда относится с недоверием к практике применения силы государством; это, в свою очередь, ведет к сомнениям и недоверию к жестким формам государства и, как следствие, никогда не приводит к «подлинно позитивной» теории государства и политики. В либерализме политика всегда противопоставляется государственному, церковному или иным ограничениям индивидуальной свободы и политика, при этом каждый раз принимает специфическую форму. Так, в либеральном государстве говорят о торговой политике, церковной или культурной политике, но никогда о либеральной политике как таковой — речь всегда идет лишь о либеральной критике политики.

Собственно говоря, такой развернутой критикой либерализма и заканчивается работа «Понятие политического». Снова и снова, говоря о практике замены борьбы в политике конкуренцией, а в сфере духовной —

дискуссией, Шмитт резюмирует, что подобная установка либерализма нацелена на подчинение государства и политики, «отчасти — индивидуалистической и потому частно-правовой морали, отчасти — экономическим категориям, и на лишение государства и политики их специфического смысла. Весьма примечательно то, насколько само собой разумеющимся является для либерализма не только признание «автономии» различных областей человеческой жизни за пределами политического, но и утриванное, вплоть до специализации и даже полной изоляции ее утверждение»¹⁷. Такое обесценивание сферы политического и полное ее подчинение «нормативностям и порядкам» других сфер общества — морали, права и экономики — делает для Шмитта либерализм совершенно неприемлемой формой государственности.

Шмитт твердо убежден в том, что такое пренебрежительное отношение к сфере политического в либерализме, все равно не может искоренить ни государство, ни политику и мир не может быть деполитизирован. Примат экономических отношений над политической сферой означает только то, что и экономика сегодня становится политикой. Политические дискуссии и экономические санкции развитых капиталистических государств применяются лишь до тех пор, пока они приносят действенные результаты. Когда же этого становится недостаточно, в распоряжении капитала и политиков всегда имеются радикальные средства в виде военного вмешательства.

И хотя в либеральных обществах противник и не называется напрямую «врагом», а лишь «нарушителем мира» и война, ведущаяся во имя экономических интересов, маскируется как «крестовый поход» против нарушителей мира, не нужно впадать в заблуждение. Во всей этой словесной риторике, в конечном счете, обнаруживается «удивительная систематичность и последовательность, но и эта система, мнимо неполитическая и, якобы, даже аполитическая, служит либо существующему или же ведет к новому разделению на группы друзей и врагов и потому неспособна избежать неминуемо следующего отсюда политического»¹⁸.

Хабермас, который во многом не согласен с идеями Шмитта, так характеризует сущность его теории политического: «Для Шмитта непроницаемое иррациональное ядро бюрократического насилия исполнительной власти государства и есть местоположение «политического». Процесс обуздания насилия средствами государственного права должен остановиться перед этим ядром, потому что в противном случае государству как субстанции «чи-

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 62.

стого самоутверждения» против внешних и внутренних врагов можно нанести ущерб»¹⁹.

Шмитт рассматривает понятие политического как самую существенную форму из всех общественных институтов общества; политическое не может быть ни устранено, ни видоизменено ни сегодня, ни завтра — деполитизированного мира в принципе не может быть. А разделение на друга и врага в политике позволяет увидеть нам истинные интересы и мотивы поведения субъектов политики, прикрывающихся зачастую громкими словесами о «высокой духовности» или же о «главенстве правовых норм» в государстве. Все гораздо проще и прозаичней — или друг, или враг — и никаких полутонов.

Однако при рассмотрении идей Шмитта важно не воспринимать их буквально и не упускать из виду теоретичность и универсальность его понимания политического. В это понятие, которое определяется как «различие между другом и врагом», немецкий философ изначально вкладывал иной смысл, который в большей степени говорит об универсальной природе этого понятия, чем о примитивной схеме оценки взаимоотношений по принципу «враг-друг». Таким образом, при определении «политического» Шмитт хотел показать, что политическая деятельность, как правило, подразумевает некоторую позицию, и что в настоящей политике нет абстрактных, безличных идей и нейтральных критериев»²⁰. Тем не менее, способ изложения идей Шмитта, может порой вызывать удивление, особенно у неподготовленного читателя.

Не удивительно, что теория политического Шмитта часто подвергалась острой критике. Среди слабостей этой теории исследователи говорят о том, что с ее помощью можно оправдать любую цель, стоит только объявить ее «экзистенциальной». Отрицание традиционных моральных и либерально-правовых норм привело Шмитта к тому, что он выступает как против понятия справедливости, так и против четких норм в политике.

Можно отчетливо видеть, что именно утверждение об «экзистенциальном» характере конфликтов как решающем аргументе в пользу ведения войн, и является самым слабым звеном в теории политического Шмитта. Как полагает Штайнворт, идея Шмитта о том, что экзистенциальные конфликты не подлежат регулированию с помощью правовых норм, является совершенно ложной. В действительности дело обстоит с точностью

до наоборот: «конфликты в политике с самого возникновения человеческой цивилизации рассматриваются с точки зрения строжайших юридических норм. Другое дело — воплощение в жизнь этих самых норм, иногда невозможное без применения насилия и военных действий»²¹. Таким образом, мы видим у Шмитта подмену аргументативной нормативной легитимации т.н. «экзистенциальным конфликтом», разрешаемым только самым радикальным способом — посредством военных действий, ведущих к полному физическому уничтожению «врага».

Тем не менее, не стоит отвергать теорию политического Шмитта как ложную и бесполезную, ведь она показывает нам как границы и слабости существующих социальных учений, так и является, в определенной степени, отражением духовной и политической ситуации в Германии первой трети XX столетия. Кроме того, по мнению исследователей, эта работа «вобрала в себя и синтезировала практически все основополагающие идеи Шмитта. Высокой степенью концептуальной насыщенности, остротой анализируемых проблем эта небольшая книжечка спровоцировала множество откликов, в том числе и со стороны самых авторитетных германских специалистов по политической науке»²².

Как уже было отмечено выше, Шмитт четко разграничивает сферы политики и права в государстве, а кроме того последовательно критикует либеральные формы государственности. Так, и в своей работе «Политическая теология» он полемизирует с пониманием правового государства, используемого либеральными мыслителями, а также с либеральным нормативизмом в целом. Он выступает против т.н. идеи «политической теологии», когда монархия уподобляется Богу, а также против «нейтральной» власти XIX столетия, действующей по принципу «царствует, но не правит», равно как и против модели «управленческого» государства, которое «администрирует, но не правит». Все эти ступени процесса политической секуляризации государства — теологическая, метафизическая, морально-гуманная, экономическая — формируют три типа научно-правового мышления: нормативистское, децизионистское и институциональное.

При этом Шмитт утверждает: «Если чистый нормативист мыслит безличными нормами, а децизионист личным решением реализует подлинное право правильно осознанной политической ситуации, то институциональное правовое мышление развертывается

¹⁹ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 184.

²⁰ Росси Е. Человек и общество в социальной философии К. Шмитта: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2008. С. 11.

²¹ Steinvorth U. Gleiche Freiheit. Politische Philosophie und Verteilungsgerechtigkeit. Berlin, 1999. S. 67.

²² Рахшмир П. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь, 2002. С. 246.

в надличных учреждениях и формах. И если вырождающийся нормативист делает право только функцией государственной бюрократии, а децизионисту всегда грозит опасность сосредоточиться на уникальности мгновения и упустить покоящееся бытие, которое есть в каждом значительном политическом движении, то изолированное институциональное мышление ведет к плюрализму лишенного суверенитета, феодально-сословного развития»²³. Поэтому он и соотносит эти три типа юридического мышления напрямую с тремя элементами политического единства: государством, политическим движением и народом.

Позитивизм и нормативизм в немецком праве во времена Веймарской республики Шмитт оценивает как «деградировавшим» и противоречивым в себе нормативизмом, смешанным с позитивизмом, который основывался не на рациональном праве, а на фактически действующих нормах. Такое отсутствие четких конституирующих правовых принципов и законодательных актов и привело к тому, что немецкое право не смогло дать свое квалифицированное заключение по поводу конфликтных ситуаций, таких, как, например, конституционный конфликт с Бисмарком. А чтобы уйти от решения подобных проблем, немецкая правовая наука Веймарской республики выработала особую формулировку: «Здесь государственное право кончается». Эта формулировка, по саркастическому замечанию Шмитта, стала эпиграфом ко всему германскому праву того времени.

Шмитт дает свое определение суверенитета — по его мнению, суверен тот, кто принимает решение о введении в государстве чрезвычайного положения. Это трактовка суверенитета только лишь как предельного понятия, что означает привязку данного понятия не к нормальному, а только к крайнему случаю в истории государства. Обосновывает данное положение Шмитт следующим образом: «Решение об исключительности есть именно решение в высшем смысле. Ибо всеобщая норма, как ее выражает нормально действующая формула права, никогда не может в полной мере уловить абсолютное исключение и, следовательно, не способна также вполне обосновать решение о том, что данный случай — подлинно исключительный»²⁴. Хотя, как оговаривается Шмитт, здесь важнее всего не теоретическое определение понятия суверенитета, а его практическое применение. Важно лишь то, кто в состоянии принимать обязательные для всех политические решения — суверен стоит вне нормально действующего правопорядка, но суверен, в то же время принадлежит этому порядку.

С другой стороны, тенденция развития либеральных гражданских обществ состоит в том, чтобы устранить суверена как лицо, обладающее правом приостанавливать действие государственной конституции.

Шмитт прослеживает различные подходы к трактовке понятия суверенитета в политической философии. Вся трудность в формулировке понятия суверенитета состоит в определении соотношения фактической и правовой высших властей в государстве. Ведь необходимо найти определение, которое описало бы понятие суверенитета не с помощью «общих тавтологических предикатов», а путем уточнения «юридически существенного». Тот путь, когда происходит разделение сфер исследования социологии и юриспруденции, ведет нас к результату «или-или» — мы получаем либо чисто социологическое, либо чисто юридическое понятие.

При этом из юридического понятия устраняются все социологические элементы. В результате мы сталкиваемся с противопоставлением бытия и должностования, каузального и нормативного. Так, Кельзен приходит к выводу, что юридическая сфера в государстве не есть какая-либо реальность или идея, государство не источник права, а правопорядок сам по себе: «основанием для действия нормы может являться опять-таки только норма; поэтому для юридического рассмотрения государство тождественно своей конституции, то есть единой основной нормой»²⁵.

Иная идея о том, что суверенно не государство, а право представлена у Краббе. Задача государства, при этом, состоит в том, чтобы определять правовую ценность интересов людей. Другой концепцией в немецкой философии права была теория товарищества (Гирке). Здесь воля государства является выражением голоса народа и народного правосознания, а воля властителя органично включена в волю, выражаемую народом. Здесь мы видим, что право и государство представляют собой «равноценные власти» и на основополагающий вопрос об их взаимоотношениях можно дать ответ, что «оба они являются самостоятельными факторами человеческого общежития, одно немислимо без другого, но ни одно не существует посредством другого или благодаря другому. При революционных изменениях конституции налицо разрыв в праве, нарушение непрерывности права, которое может быть этически необходимым или исторически оправданным; но разрыв в праве остается»²⁶.

Таким образом, по мысли Шмитта, здесь власть и право поддерживают друг друга. Среди других концепций теории товарищества можно назвать и

²³ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 13.

²⁴ Там же. С. 15-16.

²⁵ Там же. С. 35.

²⁶ Там же. С. 41.

теорию Вольцендорфа, полагавшего, что государство нуждается в праве, а право — в государстве. При этом право есть более глубокий принцип, которому и подчиняется государство. Теория «чистого государства» Вольцендорфа говорит о том, что функция государства должна ограничиваться лишь поддержанием порядка и выработкой правовых норм. По мнению Шмитта, Вольцендорф подошел здесь очень близко к авторитарной теории государства, поскольку государство у Вольцендорфа выступает в качестве «последнего решающего гаранта».

Все это, в конечном итоге, ведет нас к постановке вопроса об определении понятия формы в субстанциальном смысле. «Власть порядка самого по себе ценится столь высоко, а функция гаранта есть нечто настолько самостоятельное, что государство уже не оказывается только тем, кто констатирует или «внешне формально» переносит [на что-либо] идею права. Возникает проблема, в какой мере в каждой констатации и решении с логически-правовой необходимостью содержится конститутивный элемент, самоценность формы»²⁷. Сам Вольцендорф не проводит различия между приданием образа и формой в эстетическом смысле.

Шмитт же полагает, что в социологии и юриспруденции отсутствие четкого определения понятия формы ведет к путанице. Все разговоры о «правовой форме», «технической форме», «эстетической форме» или о понятии формы в трансцендентной философии имеют дело с совершенно разными понятиями. Макс Вебер в своей социологии права попытался выделить три вида понятия формы. Он говорит о правовой норме, которая выступает как понятийное уточнение правового содержания. Далее следует понятие формы, когда речь идет о разграничении предметных областей права и термин «формальный» есть здесь синоним рационализированного знания.

В целом, по Веберу, форма может означать: 1) трансцендентальное «условие» юридического познания; 2) «равномерную регулярность», возникающую в силу профессиональной деятельности юристов и, наконец, данная профессиональная деятельность ведет нас к появлению 3) третьей, «рационалистической» формы, означающей техническое усовершенствование государственной бюрократии для ее бесперебойного функционирования. Шмитт подчеркивает, что правовая форма подчинена идее права и необходимости применять право к эмпирическим фактам. Но поскольку идея права «не может осуществляться сама собой, для каждого претворения в действительность ей требуется придать особый образ и форму. Это справедливо как в отношении формирования

общей правовой мысли в позитивном законе, так и в отношении применения позитивной всеобщей нормы при отправлении правосудия и в управлении»²⁸. Этот момент и является ключевым, когда мы пытаемся определить сущность правовой нормы, утверждает Шмитт.

Таким образом, мы приходим к констатации того факта, что сегодня в теории государства отвергается формализм в смысле философии неокантианства, а понятие формы при этом формулируется совершенно по-иному (вспомним «Философию символических форм» Э. Кассирера). Эту тенденцию в современной философии Шмитт определяет как попытку перевода формы из субъективного феномена в объективный феномен социальных наук. Все мы знаем, что идея права не может сама себя провести в жизнь и трудность заключается в том, что идея права не говорит нам о том, кто должен ее применить. Правовая сила решения есть нечто иное, чем результат обоснования.

«Вменение происходит не с помощью нормы; напротив, лишь исходя из некоторой точки вменения, определяется, что есть норма и какова нормативная правильность. Из нормы следует не то, какова точка вменения, но только качество содержания. Формальное в специфически-правовом смысле противоположно этому содержательному качеству, а не количественной содержательности каузальной взаимосвязи. Ибо то, что эта последняя противоположность не принимается правоведением во внимание, должно было быть ясно само собой»²⁹. Таким образом, своеобразие правовой нормы коренится в его чисто юридической природе.

Снова и снова Шмитт делает акцент на том, что правовые нормы определяют, как должно решать, но не кто должен решать — а отсюда возникает вопрос о правовой компетенции. Томас Гоббс в своем «Левиафане» проводит идею о том, что «авторитет, не истина создает закон» на том основании, что мощь государства должна быть подчинена духовной власти, имеющей более высокий порядок. Сам же Шмитт формулирует проблему юридической формы как противоположности субъекта и содержания решения и самостоятельном значении субъекта. Юридическая форма не является ни эстетической, ни технической, ни трансцендентальной формой. Юридическая форма возникает из юридически конкретного.

Не вдаваясь далее в детали философии права у Шмитта, хотелось бы завершить рассмотрение его теории политического словами о том, что понятие политического, описываемого с помощью дихотомии «друг-враг», определило весь ход дальнейшего развития

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Там же. С. 52.

его теоретической мысли. Шмитт всю свою жизнь свято верил в необходимость создания политически сильного, даже авторитарного типа государства, которое бы строилось, исходя из позиций четкого разделения

субъектов политики на «противников» и «союзников». Данная установка, в конечном итоге, повлияла как на его концепцию философии права, так и вызвала неприятие им традиций либерализма западного образца.

Список литературы:

1. Гегель Г. Политические произведения. М., 1978.
2. Рахшмир П. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь, 2002. 368 с.
3. Росси Е. Человек и общество в социальной философии К. Шмитта. Автореферат дисс. канд. филос. наук. Великий Новгород, 2008.
4. Хабермас Ю. Расколотивый Запад. М., 2008. 192 с.
5. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. 336 с.
6. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
7. Schmitt K. Volksentscheid und Volksbegehren. Ein Beitrag zur Auslegung der Weimarer Verfassung und zur Lehre von der unmittelbaren Demokratie. Berlin, 1927.
8. Steinvorth U. Freiheitstheorien in der Philosophie der Neuzeit. Darmstadt, 1987. 302 s.
9. Steinvorth U. Gleiche Freiheit. Politische Philosophie und Verteilungsgerechtigkeit. Berlin, 1999. 292 s.

References (transliteration):

1. Gegel' G. Politicheskie proizvedeniya. M., 1978.
2. Rakhshmir P. Idei i lyudi. Politicheskaya mysl' pervoy poloviny XX veka. Perm', 2002. 368 s.
3. Rossi E. Chelovek i obshchestvo v sotsial'noy filosofii K. Shmitta. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk. Velikiy Novgorod, 2008.
4. Khabermas Yu. Raskolotyy Zapad. M., 2008. 192 s.
5. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo // Voprosy sotsiologii. 1992. № 1. S. 37-67.
6. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. M., 2000. 336 s.
7. Schmitt K. Volksentscheid und Volksbegehren. Ein Beitrag zur Auslegung der Weimarer Verfassung und zur Lehre von der unmittelbaren Demokratie. Berlin, 1927.
8. Steinvorth U. Freiheitstheorien in der Philosophie der Neuzeit. Darmstadt, 1987. 302 s.
9. Steinvorth U. Gleiche Freiheit. Politische Philosophie und Verteilungsgerechtigkeit. Berlin, 1999. 292 s.